

УДК [165.61+165.63]:316.42:316.7

М.Я. Мацевич**ГРАНИЦА РАЦИОНАЛЬНОГО И ИРРАЦИОНАЛЬНОГО
В КУЛЬТУРЕ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА**

Проблема границ рационального и иррационального раскрывается в статье исходя из современного эпистемологического контекста, истории и потребностей нынешнего социокультурного заказа. Граница между рациональным и иррациональным трансформировалась в диалектику дивергенции-конвергенции общества контроля и биовласти. Рациональность сегодня не существует ни как изначально присущая миру установка, ни как естественная, выступая, скорее всего, лишь в качестве репрессивно навязанного дискурса. Рациональное и иррациональное в современном эпистемологическом и социальном контекстах скорее выступают как одна из традиций, а не как методологические принципы и приоритеты эволюционного развития. Проблема границ рационального и иррационального тем самым лишается объективистских, онтологических констант, смещаясь в сторону социокультурных, конструктивистских и психологических факторов. Демаркация рационального и иррационального в культуре глоболизирующегося мира одновременно характеризует и амбивалентное единство культуры человечества: возможность доминирования локальных рациональностей, ограниченных конкретным «большим пространством».

Введение

Вера в прогресс, в тотальность рационального устройства мира перестали к концу XX-го века быть всеобщей догмой. Целый ряд ученых – эпистемологов поставили под сомнение кумулятивный характер эволюции европейской цивилизации. Прогрессирующие «рационализация» и «материализация» отнюдь не являлись нормами порядка вещей, а, наоборот, ознаменовали собой разрыв, духовную деградацию. Как подчеркивалось в большинстве работ Р. Генона, то, что «мы» называли Возрождением, Новым временем, на самом деле оказалось профанацией, симуляцией, сведением духа, сакрально истинного знания к низшим уровням эмпирического и аналитического изучения фактов. Кроме того, с появлением А. Шопенгауэра, С. Кьеркегора, Ф. Ницше, А. Камю, М. Фуко дискурс рациональности стал вытесняться дискурсом безумия. Однако на поверку дня и любое индивидуальное, иррациональное сопротивление перестало быть маргинализированным, превращаясь в «сети», среду максимальной множественности и безграничной сингулярности. Граница между рациональным и иррациональным трансформировалась в диалектику дивергенции-конвергенции общества контроля и биовласти.

Рациональность сегодня не существует ни как изначально присущая миру установка, ни как естественная, выступая, скорее всего, лишь в качестве репрессивно навязанного дискурса. Точно так же иррациональность не может пониматься в XXI веке только в качестве эстетической, культурной или психологической парадигмы. В современном мире противостояние рационального и иррационального можно интерпретировать как противостояние тождества и различия, гомогенного и гетерогенного, глобального и локального.

Целью данной статьи является экспликация проблемы границ рационального и иррационального, исходя из современного эпистемологического контекста, истории и потребностей нынешнего социокультурного заказа.

Цель решается посредством репрезентации следующих задач.

1. Выявить границы рационального и иррационального в аспекте дефиниций.
2. Транспонировать понятия «рационального» и «иррационального» в эпистемологическом и социокультурном контекстах.
3. Рассмотреть противостояние между Западом и Востоком как проблему демаркации рационального и иррационального.

Интеллект, логика, рациональность – знания, получаемые через имена и формы. Мудрость – знание, проявляющее себя только из внутреннего существа. Логика – это знание, которое необходимо для того, чтобы смотреть во внешний мир, но свет мудрости необходим для того, чтобы смотреть через внешний мир (формы, проекции) во внутренний, осязая духовно-нравственное.

Вот почему многие религиозные термины не имеют эквивалента в европейских языках и научных дефинициях. Они – выражение глубоко духовных переживаний. До недавнего времени материя, рациональность были вполне категориально определены, составляя концептуальный базис многих идеологических учений. Сегодня ученые больше не настаивают однозначно на подобной точке зрения, так как есть бесчисленное множество материальных явлений, которые недоступны нашим ощущениями. Познаваемый объект и окружающая среда не существуют как изначальная заданность, а выступают как продукт «различения». В социальной сфере эту функцию выполняет коммуникация. Отсюда рациональность предстает как «феномен когнитивности», как проблема методологической рефлексии научной организации познания [1]. Рациональность наследия эпохи Нового времени отличалась субстанциональностью философского мышления. Сегодня же выдвигаются поливариативные концепции рациональности. Однако наиболее известной, общепринятой, востребованной в отечественном контексте продолжает оставаться концепция единства рационального и иррационального, концепция тоталитарного «рационалистического контроля», не позволяющего говорить о различных «формах» или «типах» рациональности, а требующего находить в них многообразные проявления единого по своей природе разума.

Будущее хотя и не предопределено, но и не может быть каким угодно. В математических моделях, которые отражают действительность, есть аттрактор будущего. Представления о том, что у настоящего может быть не одно, а несколько направлений развития в будущем, было в культуре всегда, но особенно обострилось в XX веке. И эти представления имеют прежде всего логико-философский характер. Еще Лейбниц рассматривал необходимо истинное высказывание как высказывание, истинное во всех возможных мирах, при всех обстоятельствах, при любом направлении событий. Пафос рассуждений такого типа свидетельствует о том, что абсолютной истины нет, она зависит от наблюдателя и свидетелей событий. В современной логике сегодня есть раздел, анализирующий свойства высказываний с пустыми (необозначающими) терминами. Описанная логика называется «свободной», и она действительно свободна от экзистенциальных допущений. В свободной логике допускается использование таких сингулярных терминов, которые не имеют референтов в области интерпретации.

Проблема рациональности в пространстве современного глобализирующегося мира есть не только проблема гносеологических стратегий, но также и аксиологической, нравственной практики. Мудрость вообще не может быть сведена только к рационально-понятийным структурам сознания. Для А. Камю разум был способностью не доводить до конца то, что мы думаем, иррациональное служило границей рационального, а то в свою очередь наделяло его соответствующей мерой. Камю и, а также, П. Тейяр де Шарден, Л. Шестов подчеркивали, что мораль, нравственность ни в коем случае не должны быть подчинены гнету рациональной диктатуры, в противном случае они перерастают в средство осуждения «другого», всеобщую обязательность осквернения инаковости, и в реальности мы имеем практическую тотальность рационализации дискурса мести.

По мнению российского профессора Л.В. Максимова, именно «иррациональное» есть важнейший признак человеческого в человеке. Во-первых, человек отличается от всех животных не только разумностью, но и в такой же степени неразумностью, он единственный из животных в своем поведении может ошибаться и тем не менее про-

должает выживать как вид. Для всех остальных животных их ошибки в поведении ведут к смерти, животные приспособлены лишь адекватно реагировать на воздействие природы. Во-вторых, человек чаще всего предпочитает заблуждение правде. В-третьих, сознание человека ориентировано только на будущее время. Живя главным образом будущим, он делает сиюминутную жизнь малозначимой. Он подчиняет себя «сейчас» будущего. А последнее есть не что иное, как плод фантазии, нечто идеальное, несуществующее, вероятностное. В-четвертых, иррационализм подменяет понятие о должном понятием желательного. Человек предпочитает воображаемое необходимости. В-пятых, фантазии, иллюзии, мечты дороги человеку. Он ставит их часто выше здравого смысла и расчета [2].

Следовательно, рациональное и иррациональное есть две взаимообусловленные стороны осмысления мира. Суть сравнительных дефиниций взята из таблицы профессора Петрозаводского государственного университета В.М. Пивоева [3].

«Рациональное»	«Иррациональное»
Однозначная причинная обусловленность, детерминация	Неоднозначная причинная обусловленность, синхронность
Объективная достоверность, проверяемость	Субъективная достоверность, непроверяемость
Адекватная транслируемость и полный перевод на другие языки	Неполная транслируемость, перевод с остатком, сотворчество
Дискурсивность, осознаваемость	Неполная осознаваемость, интуитивность
Дискретность, прерывность	Континуальность, целостность
Связано с количественными характеристиками объектов	Связано с качественными характеристиками объектов
Используется для осмысления материально-технической сферы	Используется для осмысления духовно-гуманитарной сферы
Связано с функциями левого полушария головного мозга и «дневным» сознанием	Связано с функциями правого полушария головного мозга и «ночным» сознанием
Направлено на осмысление пространственных характеристик объекта	Направлено на осмысление временных характеристик объекта

Весьма оригинальны, а также существенно актуальны в контексте вышеизложенных суждений и замечания Е.С. Чистова [4].

Он считает, что проблема соотношения рационального и иррационального в своей основе является психологической. В философском же плане правильно было бы различать рациональное и иррациональное как разумное, логически правильное, истинное, соответствующее законам природы и неразумное, алогичное, ложное, противоречащее законам природы. Иррациональные явления по своей направленности, по содержанию нередко являются вполне разумными, и, следовательно, назвать их иррациональными было бы неправильно. Из этого следует, что в строгом смысле проблема рационального и иррационального – это иная проблема, чем проблема рационального и иррационального, и их нельзя смешивать. Иррациональное в философии возникает там, где философские идеи пытаются выразить в образной, обыденной или художественной форме. В иррациональной философии абстрактно-логическая форма отсутствует, игнорируется, поэтому по форме эта философия и является иррациональной, иррациональной по форме, но рациональной по содержанию.

Понятие рациональности, как и понятие ценности, культуры – это производные понятия, пытающиеся превзойти производящее. Современная эпоха – эпоха «Культу-

ры». Но, будучи производной от понятия «веры», «культура» пытается превзойти производящее. Как полагает профессор Московской государственной консерватории В.В. Медушевский, не следует забывать и того, что в Европе данное понятие появилось только в XVI в., а в России и того позже – примерно в XIX в. И свет разума, рационализма, гуманизма был много ниже исконного «фаворского» света, тепла и радости «Солнца правды» пророческих писаний.

Динамика исторического развития культуры состоит в том, что всякое рациональное, научное описание упирается в неизбежность бинарной оппозиции. В полном соответствии с установками на рациональность история развития культуры подвела нас к «Постмодерну», который есть не что иное, как «подражание подражания». «Постмодерн» – не революция, а реакция; не отрицание, а квинтэссенция, вершина айсберга, с которой нельзя спуститься, не разбившись; ибо, как отмечалось еще Ф. Ницше, «есть мудрость преступная по отношению к самой природе», когда самодостаточная рациональная система, претендующая на универсальность, пожирает себя же с хвоста. Отсюда «Постмодернизм» с его деконструкцией, естественнонаучной апатией есть не что иное, как реакция Разума на самого себя.

Уже с середины XX века единственной живой темой рациональности стала ее смерть. Исчезла рациональность как методологический принцип, как предмет, как объект философского анализа. Критерии профессиональной стилистики философствования размылись, как размылись и границы рациональности, говоря по-бодрийеровски, превратились в «симулякр».

Рациональное мышление старается избегать парадоксов, метафор, отдавая предпочтение целому, всеобщему, требуя математической точности и отчужденности категориального строя. В «рациональных системах» Запада большей частью господствовал формализм, шаблон, строгий рассудок. Русская же философия, восточная мысль метафору, многозначность, воображение превратили в формы логического мышления. Они отбросили всю пышность многословия, приближаясь к выразительному онемению, «пространству любви».

Если рациональное сущее «всеедино», то рациональность должна стать «истиной», указанием на то, что есть. Рациональность, с точки зрения христианства, есть познание, неотделимое от совести, от нравственной и живой сути вещей. Рациональность должна стать отражением триединства Истины, Добра и Красоты. «Бог не есть Бог неустройства, но мира» (1 Кор. 14:33). Насколько всецелая живая истина непостижимо выше информации, настолько дух, призванный к истинной жизни, возвышеннее рассудка.

Исходя из вышесказанного, хотелось бы отметить, что конец XX-го столетия можно истолковать не только как конец определенного промежутка времени, конец некоего века, а как конец века мирового. Это был не просто «закат Европы» (О. Шпенглер), «сгущение мировой ночи» (М. Хайдеггер), «конец истории» (Ф. Фукуяма) – это конец в своем метафизически-онтологическом аспекте, конец сокровенной сути.

Согласно замечаниям современного немецкого феноменолога Б. Вальденфельса, основным критерием современности является «крушение порядка», «способность всякого порядка быть иначе» [5].

От гамлетовского «мир расшатался...», от «провалились все середины, нету в мире уже средин» (В. Маяковский) мы пришли к «ясперовской оси времени». Но и она треснула. «Столб времени», «стрела времени» превратились во временную сеть, временную пену, в игру, деконструкцию, открывающую бесконечную свободу возможностей и интерпретаций. Существующий плюрализм семантических решений и констант уже нельзя вписать в бинарные оппозиции аристотелевской логики, евклидовой геометрии.

Рай – это мир без качеств, мир, в котором «всё с таким же успехом могло быть и иначе». Трагедия современного человека заключается прежде всего в том, что он дол-

жен «поступать», выбирать, оценивать. Великий «божественный порядок» распался на «порядки», которые не лежат заготовленными в вещах, а по-своему переменчивы и ограничены. «Смерть Бога» уничтожила порядок, внешне освободив человека. Только когда «Бог умер», стали возможны «Аксиология» и «Культура». Однако как показала «современность», эти явления знаменовали не только власть человека, допущение любых возможностей, но и сами же подрывали их изнутри [5].

Не затрагивая даже философии, экономика, политика, культура XX века показали, что хотя все и могло бы быть иначе, но все-таки не совершенно иначе; и хотя многое возможно, но все-таки не все. Божественное провидение, космическая гармония ужались до формальных «основопорядков». Воссоздание Бога произошло не в форме развития индивидуального сознания, а в форме присвоения опыта «чужого», в форме прогресса. Сегодня сути человека уже угрожает им же созданный мир. Человеку, для того чтобы стать самим собой, нужна реальность. А нынешний мир, лишенный надежд и реальности, приобретает лишь формы бездушной структуры.

И в этом смысле веберовский «ужас без конца» есть прежде всего «невозможность внутреннего преображения», «духовдохновенности». Постмодернизм показал, что мышление – это не всеобщий разум, не демиург, а «языковые игры», локальные дискурсы и деконструкции. Рациональность распалась на отдельные сферы и области, на взаимообусловленные способы истолкования. И хотя наука вышла из мифологии, сегодня мы подпитываемся в основном мифологемами. Теоретические обобщения, построения научной картины мира приобрели ярко выраженный мифологический ирреально-иррациональный характер. И «Черный квадрат» К. Малевича, и архитектурный стиль Музея изящных искусств в испанском городе Бильбао, и современные повседневные перформансы выступили лишь в качестве экспликации симулятивности идеи рационализма. Сегодня мир повседневности захлебнулся фантастикой, магией, фанатизмом. Но в нем не может быть «чуда». Ницшеанское «Бог умер» стало не только трагедией христианского мира, но (прежде всего), смертью европейского рационализма. Сущность этой смерти и конца заключается в страстной жажде чуда при осознании полной невозможности «чуда» в повседневном мире XXI-го столетия. Следует учесть, что, как пишет современный российский композитор В.И. Мартынов, «..конец, не являющийся чудом, не есть настоящий конец. Для того, чтобы убедиться в этом, нужно вспомнить, что антитезой чуда является обыденность. Обыденность, согласно словарю Даля, есть однодневность или нечто длящееся один день, а это значит, что обыденность таит в себе понятие времени или срока. Но окончание дня или срока не означает никакого чуда, ибо вслед за окончившимся днем наступает новый день. Последовательность дней или обыденностей образует последовательность, включающую в себя сколь угодно большое количество концов, но все это будут концы обыденности или обыденные концы. Концом повседневности вообще или обыденности в частности может быть только чудо» [6]. Таким образом, мы обречены на обыденность, на «повседневность».

Нынешний «рационализм» – фаза старения и умирания культуры – это переход от живой «культуры» к мертвой «цивилизации». Духовно, как живой организм культуры уже погибла, но физически, как механизм по инерции еще продолжает существовать и даже сохраняет видимость процветания, поскольку ее социальные, экономические, политические институты все еще функционируют. Наиболее просто и лаконично современное состояние философии можно определить как утрату не какого-то конкретного смысла, но осмысленности как таковой. Семантическими нормами стали «нон-селекция» и «нон-иерархия».

С точки зрения российского философа-политолога С. Корнева, «постмодернизм» дает восточному человеку шанс победить западную культуру в самом себе, победить западную рациональность, деформирующую его сознание, с помощью западного же

противоядия. В книге «Трансгрессивная революция» С. Корнев [7] показывает, что постмодерн имеет два лица – восточное и западное. То, что на Западе является саморазрушением, на Востоке выглядит как освобождение и возвращение к себе. Корнев эксплицирует очень интересный формальный парадокс: в эпоху постмодерна разрушение целостности, деструкция и фрагментация одной культуры (западной) позволяет всем остальным культурам, ранее ею подавлявшимся, наконец-то эту целостность обрести, избавиться от искусственного расчленения на сектора и фрагменты и принять свою истинную форму.

Заключение

Таким образом, исходя из истории динамики рационалистической традиции, напрашиваются следующие выводы.

Можно констатировать тенденции прагматизации и релятивизации рациональных устоев повседневного дискурса. Рациональное и иррациональное в современном эпистемологическом и социальном контекстах скорее выступают как одна из традиций, а не методологические принципы и приоритеты эволюционного развития. Проблема границ рационального и иррационального тем самым лишается объективистских, онтологических констант, смещаясь в сторону социокультурных, конструктивистских и психологических факторов.

Демаркация рационального и иррационального в культуре глобализирующегося мира одновременно характеризует и амбивалентное единство культуры человечества (в пределе складывающееся из Запада и Востока). Рациональное и иррациональное взаимно предполагают друг друга и в то же время взаимоисключают; они представляют собой дополнительность и антиномичность полярных начал, диалектику единства и множественности культуры как сложного целого. Постмодерн включил в себя два разных топоса (Запад и Восток, рациональное и иррациональное). Не случайно А. Дугин предлагает вспомнить первые ячейки коммунистов, социалистов или фашистов, где политика была перемешана с искусством. Ибо, если исходить из логики его рассуждений, на практике аналогичные стратегии лишь создают новую иерархическую модель – возникает контрсистема, которая реорганизует систему властных функций. «Любая попытка абсолютной свободы всегда приводит к абсолютной иерархии, стремление освободить все и вся кончается ГУЛАГом и приходом новой элиты на место старой. И это – не только в сфере политики, но и в сфере культуры, религии, философии, науки и т.д. В новых империях истинного постмодерна будет много рациональностей – в противоположность монорациональной «Империи» ультрамодерна. Тем самым будет достигнут премодернистический эффект, представляющий собой многополярный мир с разными рациональностями в основах больших цивилизаций» [8]. Возможно, будет доминировать локальный рационализм, рациональность, ограниченная конкретным «большим пространством». На территории каждой из «новых империй» будет свой общий язык, а в нем – множество диалектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богатырев, Е.Д. «Преодоление» рациональности в радикальном конструктивизме / Е.Д. Богатырев // Вестник Самарской гуманитарной академии. Выпуск «Философия. Филология». – 2006. – № 1. – С. 64–76.
2. Максимов, Л.В. Иррациональное – важный признак человеческого в человеке / Л.В. Максимов // Вестник Российского философского общества. – 2002. – № 1. – С. 136–137.

3. Пивоев, В.М. Надо преодолеть страх перед иррациональным / В.М. Пивоев // Вестник Российского философского общества. – 2002. – № 1. – С. 53.
4. Чистов, Е.С. О содержании понятий рационального и иррационального / Е.С. Чистов // Вестник Российского философского общества. – 2002. – № 1. – С. 137–138.
5. Вальденфельс, Б. Мотив чужого : сб.пер. с нем. / Б. Вальденфельс ; науч. ред. А.А. Михайлов ; отв. ред. Т.В. Щитцова. – Минск : Пропилеи, 1999. – 175 с.
6. Мартынов, В.И. Ожидание чуда в культуре пограничной эпохи / В.И. Мартынов // Связь времен (Наука – Традиция культуры – Новое видение мира). Вып. 1. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – С. 91–99.
7. Корнев, С. «Трансгрессивная революция» [Электронный ресурс]. / С. Корнев – Режим доступа : http://kornev.chat.ru/trans_1.htm. – Дата доступа : 25.10.08.
8. Дугин, А. Заколдованная среда «новых империй». Интервью «Художественному журналу» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.mesogaia-sarmatia.narod.ru/dugin-ludizm.htm>. – Дата доступа : 15.09 08.

Matsevich M.J. The Limits of the Rational and Irrational in World Globalized Culture

The problem of the limits of the rational and irrational is analyzed in the article in the framework of contemporary epistemological context, history and demands of today socio-cultural order. The border between the rational and irrational transformed into the dialectics of divergence-convergence of a society of control and biopower. Today rationality does not exist neither as a world intention, nor as a natural, being imposed as a repressive discourse. Rational and irrational in contemporary epistemological and social contexts represent rather one of the traditions, but not methodological principles and priorities of the evolutionary development. The problem of limits of the rational and irrational is striped of objective, ontological constants, it moves to the side of social and cultural constructivistic and psychological factors. The demarcation between rational and irrational in the culture of the globalized world, at the same time, characterizes an ambivalent unity of human culture: the possibility of the dominance of local rationalities, limited with the specific “large space”.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 01.02.10